

- Профессор Люпин, если это как-то касается уроков по защите... - начинаю я, но когда оборотень наконец поднимает на меня взгляд, я осекаюсь, потому что вдруг вижу в нем то, чего не видел никогда прежде, только не у того Ремуса, которого я знал. Там отчаяние, даже затравленность, которая делает его куда больше похожим на зверя, на волка в клетке, чем полная луна. За те секунды, что он молча смотрит на меня, я вдруг понимаю одну вещь, которая ускользала от меня все это время. Я понимаю, что для Ремуса - для этого Ремуса - такой взгляд привычен. Этот взгляд делает его похожим на щенка, которого так много били, что он уже не ждет от людей иного. И едва поняв все это, я беспомощно замолкаю, не в силах продолжить, уже в сотый раз неспособный отринуть идиотского чувства, будто бы я разговариваю с чужаком.

- Нет, Гарри, уроки тут совершенно ни при чем, - негромко говорит Ремус, избегая моего взгляда, как почти всегда в последнее время, и это тоже злит, потому что ужасное тоскливое выражение из его глаз по-прежнему никуда не уходит. - Я собираюсь сказать тебе нечто очень важное, кое-что, что я должен был сказать уже давным-давно, если быть честным. Я все оттягивал этот момент, что по отношению к тебе было почти непростительным, но, в конце концов, не могу же я обманывать тебя вечно!

Теперь он смотрит на меня и улыбается горько, почти отчаянно, и я вдруг совершенно отчетливо понимаю, что именно он собирается мне сказать. И это ранит, потому что нет никакой нужды делать это так - с успокоительной настойкой, добавленной в чай (смешно, успокоительная настойка - для меня!), с сидящим по левую руку Дамблдором, готовым вмешаться в случае, если что-то пойдет не так. И я почти хочу остановить его, потому что слушать об этом вот так, будто бы Ремус признается в некоем постыдном преступлении, тоже больно.

- Гарри, теперь я должен открыть тебе правду, - говорит Ремус решительно и горько. - Ты вправе возненавидеть меня после этого. Я пойму даже, если ты не захочешь иметь со мной ничего общего, но ты должен знать, что я - оборотень.

Когда Ремус произносит слово «оборотень», Дамблдор делает едва уловимое движение, будто бы хочет остановить его, но так ничего и не предпринимает. В следующую секунду в комнате становится очень тихо, даже портреты прежних директоров, которые вечно вздыхают или бормочут в своих рамах, замолкают и становятся неподвижными. Я перевожу взгляд с напряженного Дамблдора на окаменевшего Ремуса, не зная, как мне реагировать на эту ситуацию. Жар поднимается незаметно, но неодолимо, как морской прилив, он пульсирует в висках, путает мысли, делая их медленными и ленивыми, и единственное, чего мне сейчас по-настоящему хочется - это уйти к себе, сбежать от этого пронзительного взгляда ясных голубых глаз, не видеть отчаяния в лице Ремуса, потому что это едва выносимо.

Ремус решил доверить мне свою тайну, только и всего. Вот к чему вся эта секретность, вот к чему Дамблдор со своим успокоительным и осторожными фразами. Я никак не могу поверить, что все дело в этом, потому что не думал, что Ремус откроется именно сейчас. Мне хочется верить, что причина в том, что он начал чуть больше доверять мне, но тот осторожный, подозрительный одиночка, что с недавних пор засел у меня в голове, говорит, что все дело в Снейпе. Возможно, Ремус решил, что Снейп и так уже слишком многое мне рассказал, и решил взять события под свой контроль. Вернее, под их с Дамблдором контроль, вдруг очень ясно понимаю я, и эта мысль заставляет меня вернуться к насущным проблемам.

Наименее подозрительным было бы притвориться сейчас удивленным. Вот только Дамблдор, не сводящий с меня внимательного взгляда, едва ли купится на столь явную ложь. А значит, на этот раз мне придется рискнуть и выставить себя гораздо более сообразительным, чем я когда-либо был на самом деле.

На этот раз мне придется сказать правду, хотя бы отчасти.

– Я знаю, что ты оборотень, Ремус, – просто говорю я, и по потрясенному вздоху, который непроизвольно вырывается у обоих, понимаю, что это был последний ответ, который они ожидали услышать. – На самом деле, я знал уже давно. Я не мог не заметить, что ты болееешь каждое полнолуние, и, кроме того, я видел твоего богарта. А еще пару раз, когда ты рассказывал мне о своем прошлом в Хогвартсе, ты как будто бы оговаривался, будто бы хотел сказать одно, но в последний момент спохватывался и говорил что-то совершенно иное. Я имею в виду, это выглядело так, будто бы тебе есть, что скрывать. И в конце концов все это просто как-то сложилось вместе, вот и все.

Ремус застывает, глядя на меня так, будто бы видит впервые в жизни. Но Дамблдор, он смотрит на меня с совершенно нечитаемым выражением лица, и я дорого заплатил бы, лишь бы понять, что происходит сейчас у него в голове.

– Я ничего не говорил, потому что знал, что ты хочешь сохранить это в тайне, – осторожно добавляю я, разрывая повисшую тишину. – Я не старался ничего выяснить специально, это пришло каким-то образом само, и я не был уверен, как ты отреагируешь, если узнаешь, что мне известен твой секрет. Но я рад, что это наконец разрешилось, хотя, вообще-то, ты просто мог поговорить со мной об этом один на один.

В моем голосе упрек, но Ремус будто бы не слышит его.

– Ты знал, – потрясенно выдыхает он. – Знал все это время, и все равно продолжал приходить ко мне, продолжал разговаривать со мной, как ни в чем не бывало. Даже после Хэллоуина, после того, как Северус сварил настойку Сущности и ты выяснил, что однажды такой же оборотень, как и я, едва не убил тебя, ты все равно не начал избегать меня, не начал бояться поворачиваться ко мне спиной, как другие. Почему, Гарри?

Я слушаю Ремуса, но его слова не укладываются у меня в голове. Как он мог подумать, что я возненавижу его за то, кто он такой? Я никогда не смог бы. Потому что другие оборотни могут быть кем угодно, они могут быть кровожадными тварями, опасными магическими существами, убийцами, в конце концов, но Ремус всегда был и остается для меня очень хорошим человеком, который сильно болен, только и всего. И сейчас я не понимаю, отказываюсь понимать, как он может сравнивать себя с другими оборотнями, которые поддались своим волчьим инстинктам. Не понимаю, как он может ставить себя на один ряд с теми, кто сделал выбор стать убийцами, как может презирать самого себя за вещи, над которыми никогда не был властен.

– Потому что ты не виноват в том, что произошло тогда со мной в лесу, – просто говорю я, неожиданно чувствуя себя легко в присутствии Дамблдора и Ремуса впервые за долгое время,

потому что мне наконец-то нет нужды лгать. – В этом вообще никто не виноват. И тем более ты не виноват в том, что стал оборотнем. То, что время от времени ты превращаешься в волка, не делает тебя худшим человеком. Ты – тот, кто ты есть, Ремус, и как по мне, то люди, ненавидящие тебя за одно лишь это, глупы, потому что за стеной каких-то дурацких предрассудков им никогда не увидеть, что ты за человек на самом деле.

Пока я говорю, Ремус опускает голову, словно не слушает меня вовсе. Но когда он снова поднимает на меня взгляд, я вижу, что его глаза блестят. Он качает головой, будто бы никак не может поверить в то, что происходит, и говорит:

– Боюсь, если бы тебя сейчас слышали шишки из Министерства магии, они бы сочли твои рассуждения полным безумием. Даже мне кажется безумным, что кто-то может вот так вот запросто... – он вдруг обрывает самого себя на полуслове и наконец улыбается той открытой, искренней улыбкой, которую я помню, и говорит: – Впрочем, неважно. Пожалуй, из всех моих знакомых только Джеймс был способен с той же легкостью плевать на любые общественные устои. И теперь я вижу, что ты унаследовал от него гораздо большее, чем может показаться на первый взгляд. Я... я очень рад, Гарри.

Он вдруг порывисто и неуклюже обнимает меня, и я на мгновение застываю, ожидая ощутить чувство уязвимости, охватывающее меня всякий раз, когда кто-то слишком сильно вторгается в мое личное пространство, но ничего такого не происходит. Потому что каким-то образом теперь я уверен, что Ремус, тот Ремус, которого я знал, снова со мной. Теперь я понимаю, что его скрытность была вызвана не недоверием или пренебрежением, как мне казалось, а стыдом за свою болезнь и страхом быть отвергнутым, потому что слишком многие уже отворачивались от него из-за этого. И это знание заставляет с треском обрушиться те невидимые стены, что мы с Ремусом незаметно возводили между нами день за днем.

Я знаю, что никакие слова в мире не могли бы выразить то, что я чувствую теперь, зная, что Ремус Люпин жив, поэтому просто позволяю себе поддаться, позволяю себе забыться в этих отеческих объятиях и впервые за черт знает сколько времени просто довериться кому-то, хотя бы на несколько секунд.

Когда Ремус отстраняется и мы обмениваемся взглядами, означающими большее, чем мы когда-либо могли выразить словами, я вдруг замечаю, что Дамблдор наблюдает за нами с живейшим интересом и разве только слезу не пустил от умиления. Неожиданно почувствовав себя неловко, я обращаюсь к директору с несколько большей дерзостью, чем позволяет субординация:

– Сэр, я правильно понимаю, что вы пригласили меня сегодня в свой кабинет только для того, чтобы присутствовать на нашем разговоре с профессором Люпином?

– Разумеется, нет, Гарри, я не стал бы беспокоить тебя лишь для разрешения ваших с профессором Люпином проблем, в конце концов, это ваше личное дело, – невозмутимо говорит Дамблдор. Но прежде, чем я успеваю возмутиться, что именно в мои личные проблемы он сейчас влезает, Дамблдор продолжает: – Я безмерно рад, что вы с профессором Люпином во всем разобрались, но, вообще-то, пригласил тебя сюда с намерением обсудить вопрос с

теплицами. Если ты помнишь, я говорил тебе об этом по пути сюда. Одна из теплиц была повреждена, многие растения погибли. Теперь нам предстоит нелегкая работа по спасению оставшихся экземпляров, и я надеялся, что ты мог бы помочь нам с этим. Сегодня все занятия семикурсников по Травологии пришлось перенести в другую теплицу, поэтому я был бы признателен, если бы вы с профессором Спраут занялись этим завтра прямо с утра, что скажешь?

Мне очень хочется сказать, что он мог бы просто послать мне сову и что в историю Дамблдора не слишком-то вписывается присутствие в директорском кабинете Ремуса, но отчего-то у меня начисто пропадает желание препираться. Сейчас я рад, по-настоящему рад, что между мной и Ремусом теперь все разрешилось, но эти события оказываются для меня уже чересчур.

Чувствуя, как жар неодолимо нарастает вместе с головной болью, я делаю то, что, право слово, не стоит делать в присутствии такого хитрого и умного волшебника, как Дамблдор, если у тебя есть вагон и маленькая тележка секретов, которые ты хотел бы сохранить: я протягиваю руку к остывшей чашке и делаю огромный глоток чая с успокоительной настойкой, оставляя себя на милость зелья. И, Мерлин знает, возможно, Дамблдор что-то напутал с дозировкой, а может, причина в том, что я сегодня пропустил ужин, и оттого зелье возымело больший эффект, чем обычно, или в моей болезни, но все вокруг становится мягким и плавным, будто бы подернутым легкой дымкой, и в голове у меня тоже становится туманно и легко. Нечеткое лицо Дамблдора хмурится в легком беспокойстве, когда он говорит, что завтра будет трудный день и мне следует отправиться к себе. Я слышу свой собственный голос, который говорит, хорошо, сейчас я пойду к себе и выплюсь, я и правда что-то не слишком хорошо себя чувствую. Я поднимаюсь из-за стола, благодарю Дамблдора за вкусный чай, а в следующую секунду на меня стремительно несется каменный пол, но прежде, чем я успеваю по-настоящему испугаться, кто-то гасит в комнате все свечи, и я падаю в мягкую и ласковую темноту.

<http://tl.rulate.ru/book/36380/797640>